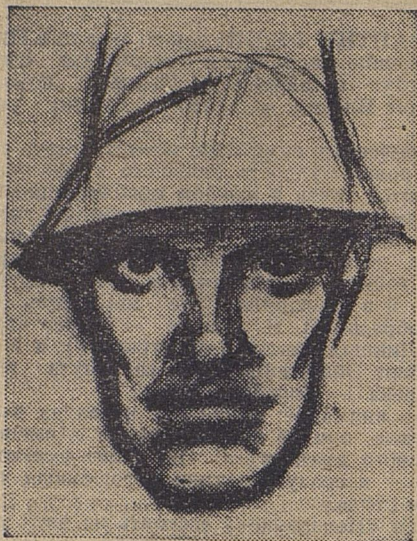

„Литературная Россия“ Ноябрь. 1969.

В случайной беседе вспомнилось, как бывало мальчишкой, идя вечером на станцию Пушкино встречать приезжавшего из Москвы отца, видел Маяковского, далеко опережавшего всех приехавших своим размашистым, стремительным шагом. С палкой, легко подбрасываемой в руке, или с перекинутым через плечо макинтошем он проходил проложенной через Щенковский лес просекой к «Акуловой горе», где жил на даче недалеко от нас. Иной раз его фигура проплывала силуэтом на фоне заката, когда мы уже сидели на террасе, а он приезжал поздним поездом. Солнце садилось за деревней Акуловой, на месте которой разлился теперь водоем.

Оказалось, что ленинградская художница Ирина Константиновна Колесова не только жила тогда в соседстве с нами и Маяковским, но и сохранила сделанные ею с поэта два натуральных портрета-наброска, являющихся теперь собственностью Государственного литературного музея. Тот, что сделан en face, особенно выразителен и превосходит широко известный портрет, написанный несколько лет назад по памяти Б. И. Пророковым, сотрудничавшим когда-то с великим поэтом.

Ниже мы публикуем отрывки воспоминаний И. К. Колесовой, написанных по просьбе Государственного литературного музея, о знакомстве ее с молодым Маяковским и сделанные ею в то время портреты поэта.

В. ПОПОВ,
главный хранитель Государственного
литературного музея

НА ДАЧЕ, У «АКУЛОВОЙ ГОРЫ»

Я ПОЗНАКОМИЛАСЬ с Маяковским в 1919 году... Впервые я увидела Владимира Владимировича, когда он шел со станции... Очень большой и очень красивый, он шагал стремительно. Все на нем казалось красивым и необычным. Он показался мне удивительно родственным микеланджеловскому «Давиду». И реакция на эту современную интерпретацию работы Микеланджело была совершенно четкой: необходимо его нарисовать... Я решила попросить незнакомого молодого человека позировать для портрета. Что он был великим поэтом, я не подозревала...

Был вечер, темно, я стояла в ожидании няни у разделявшего наши дачи забора. Вдруг подле выросла огромная фигура Маяковского. Он всегда появлялся как-то сразу — возникал. Я растерялась, однако пролепетала свою просьбу. Владимир Владимирович усмехнулся, но согласился. Условились, что он придет в садовую беседку Можаровых, где сеанс и состоялся через несколько дней.

К тому времени я уже знала, что такой Маяковский. Впервые я услышала его стихи от него самого: после пресловутого «сеанса» мы изредка гуляли вместе. Однако он никогда не читал что-либо целиком, а так, отдельными фразами. Было чувство, что он читает для себя, а отнюдь не для меня.

Однажды он без конца скандировал одну и ту же фразу:

*Наступила эра
Эр-эс-эф-эс-эра,
Больше Реверера
нет*

Я не понимала, что значит слово «реверер», но спросить не решалась, так как робела. Видимо, он искал нужное ему по ритму и звучанию слово и не находил.

Немногое, что я слышала, производило огромное впечатление: ведь звучание стиха как такового сливалось со звучанием поразительного по красоте голоса.

Мы встречались часто, но возникало препятствие в лице моей матери.

Не то чтобы она запретила мне знакомство с Владимиром Владимировичем — возможно, что слава поэта ей несколько импонировала, — но она не оставляла меня с ним наедине, и едва появлялась «дама в черном», как называл ее Владимир Владимирович, он исчезал: так же молниеносно, как и возникал. Казалось, он боится мамы, — думаю, что его раздражала ее слишком «благорпристойная» внешность...

...На следующее лето я снова оказалась в Пушкине, но виделась с Владимиром Владимировичем чрезвычайно редко. Было много работы, а еще больше — трудностей, особенно продовольственных...

Однажды, когда ехала на службу в Москву, мы оказались в одном вагоне. Он обрадовался, спросил, почему меня не видно... предложил, чтобы я непременно пришла в издательство РОСТА, где он устроит мне работу. Маяковский делал для окон РОСТА политические плакаты в лаконичной манере. Размножались они путем трафарета и вывешивались во многих витринах. Менялись пла-

ты чуть ли не ежедневно. Пришлось воспользоваться предложением, но уже позже, так как в тот день я слегла, и дачная эпопея закончилась. За лето мы встречались с Маяковским раза три-четыре, но все же я слышала от него (опять же отрывками) «Необыкновенное приключение». Некоторые строки запомнились, но не совсем такими, как они были потом напечатаны:

*Я крикнул ему во всю ночь
Тебе хорошо,
Проклятый.
А мне вот не спи всю ночь,
Сиди и рисуй
плакаты.*

Выздоровев, я поступила во ВХУТЕМАС. Когда Маяковский бывал там, то заходил ко мне в мастерскую Федотова, где я занималась в первый год, а затем — в мастерскую А. А. Осмеркина, но беседы наши уже стерлись в памяти.

И. КОЛЕСОВА